

На следующий день в полдень Юнь Чжи проснулся в прохладных объятиях своих щупалец.

Едва открыв глаза, он уткнулся взглядом в тёмные влажные зрачки.

Ниже виднелось прекрасное лицо Цзян Юйхуая, склонившегося над ним.

Всё произошло настолько внезапно, что Юнь Чжи несколько секунд сидел ошеломлённый, не понимая, что происходит.

Он переродился, вчера вечером нанёс удар Безликому Будде, поужинал, а затем, по идее, должен был отправиться спать в свою спальню?

Неужели он умудрился во сне добраться до покоев учителя?

Юнь Чжи торопливо проверил свои щупальца, убедился, что все они послушно скрыты, и лишь тогда с облегчением выдохнул. Оттолкнувшись от кровати, он отпрянул от Цзян Юйхуая, словно от хищного зверя.

— Шицзунь... Шицзунь хотели меня видеть?

Говоря это, Юнь Чжи быстро оглядел обстановку комнаты.

Это определённо был боковой двор, но всё здесь изменилось до неузнаваемости.

Вчера он так расстроился, что даже не подумал об уборке, и комната выглядела серо и уныло. Теперь же всё помещение было тщательно приведено в порядок.

На голую кровать повесили полог, в комнате появились книжный шкаф и мебель. Было видно, что убиравший проявлял сдержанность, не решаясь добавлять лишнего, — выбрал лишь самые необходимые вещи, в которых нельзя было ошибиться.

Значит, это не он перепутал комнаты — это учитель пришёл к нему и всё обустроил.

Как долго здесь находился учитель? Зачем прибирал его комнату? Не покажется ли учителю, что он неряха? Не обнаружили ли щупальца?

Бесчисленные вопросы проносились в голове, но лицо Юнь Чжи оставалось невозмутимым — он внимательно изучал выражение Цзян Юйхуая.

Выражение учителя не изменилось. Казалось, он вовсе не заметил щупалец и с серьёзным видом произнёс:

— Есть дело.

— Всю ночь я размышлял о причинах твоего гнева. Ты не любишь кошек? Я уже перенёс её в другой двор и поставил барьер. Если тебе не нравится, я больше не буду показывать её тебе, лишь каждый день буду относить ей еду.

До появления кошки Юнь Чжи ещё не выказывал такого недовольства. Цзян Юйхуай размышлял и пришёл к выводу, что проблема кроется именно в ней. Потому и пришёл так рано.

Цзян Юйхуай искренне извинился:

— Прости, тебе не нужно подстраиваться под меня. Я принёс эту кошку... желая порадовать тебя, а не рассердить.

— Я и не думал селить тебя в боковом дворе. Здесь по ночам темно и не слишком уютно. Я немного прибрал, но если хочешь что-то добавить, можешь сказать мне. А то, что мне не нравится, можешь просто выбросить.

Юнь Чжи потупился и промолчал.

Извинения Цзян Юйхуая звучали искренне, но совершенно не попадали в цель.

Кошки и люди для него были одинаковы — существа, к которым он равнодушен. Его волновала забота Цзян Юйхуая, направленная на кого-то другого.

Впрочем, всё равно — даже если объяснить, Цзян Юйхуай не поймёт.

Юнь Чжи тихо произнёс:

— Шицзунь слишком много думает. Я не сердился на кошку и не нуждаюсь в том, чтобы Шицзунь что-то добавлял.

Цзян Юйхуай ещё больше озадачился:

— Тогда почему ты плакал?

— Я не плакал, — тут же возразил Юнь Чжи.

Он просто немного расстроился из-за того, что учитель его не любит.

Иногда Юнь Чжи сам считал себя чересчур капризным.

Он хотел, чтобы Цзян Юйхуай его полюбил. Это означало, что Цзян Юйхуай не должен обращать внимание на других, не должен ступать за порог двора, не должен делиться своей нежностью и заботой с посторонними. Пусть заботится только о нём одном, зависит только от него.

Эти требования казались совершенно неразумными, но на самом деле их легко было удовлетворить. Стоило лишь понять и попросить — и Цзян Юйхуай непременно согласился бы.

Ведь и в прошлой, и в этой жизни, даже если Цзян Юйхуай не считал его спутником на Пути, он баловал его безмерно.

Но проблема была в том, что Юнь Чжи этого не хотел.

Ему нужна была не слепая любовь учителя, а настоящая любви.

Если он по-настоящему любит, то Цзян Юйхуай должен понимать всё это и без просьб, и без напоминаний.

Такой образ мыслей нормальному человеку понять трудно, но Юнь Чжи не видел ничего неправильного в своих требованиях. Он так сильно любил учителя — конечно, учитель должен любить его всей душой.

Это учитель его не любил, а не он слишком много требовал.

Впрочем, получив болезненный урок в прошлой жизни, Юнь Чжи уже не надеялся на любовь Цзян Юйхуая. Он хотел лишь спокойно быть учеником, прожить эту жизнь до конца и хотя бы добиться того, чтобы Цзян Юйхуай его больше не ненавидел.

Пусть кто угодно его ненавидит, только не Цзян Юйхуай.

Иначе он действительно захочет умереть от горя.

Среди этих размышлений Юнь Чжи ловко сменил тему:

— Разве Шицзунь не хотел, чтобы я изучал Путь Бесстрастия?

Услышав это, Цзян Юйхуай вспомнил об этом деле.

Изначально он не хотел, чтобы у Юнь Чжи возникли демоны сердца, но тот явно не желал изучать Путь Бесстрастия. Поэтому Цзян Юйхуай без колебаний сказал:

— Если тебе не нравится, можешь не изучать.

Он найдёт другой способ.

— Нет, мне очень нравится, потому я и спрашиваю у Шицзуня, — натянуто улыбнулся Юнь Чжи.

Он уже решил разлюбить Цзян Юйхуая. Путь Бесстрастия как раз подходил ему сейчас, когда он жаждал поскорее избавиться от боли разлуки.

Жаль только, что в этой жизни нет достойного повода изучать технику меча «Мириады Феноменов Возвращаются к Единому», которой учитель обучал его в прошлой жизни. А ведь он довольно любил фехтование.

Размышляя об этом, Юнь Чжи машинально провёл рукой по поясу, где обычно висел меч, но там была лишь пустота.

Его меч Осеннего Инея не последовал за ним в прошлое. Это был подарок учителя на десятилетие в прошлой жизни — видимо, они действительно не судьба.

— Если тебе нравится... — Цзян Юйхуай задумчиво посмотрел на движения Юнь Чжи.

Он достал из Сумки-хранилища две яшмовые таблички и протянул их Юнь Чжи.

Неужели Путь Бесстрастия состоит из двух частей?

Юнь Чжи озадаченно принял таблички и, прочитав надписи, застыл.

На двух табличках было написано:

«Сердечный Метод Бесстрастия» и «Мириады Феноменов Возвращаются к Единому».

Учитель дал ему сразу две техники, и одна из них — та самая техника меча, которую он изучал в прошлой жизни.

Видя, что Юнь Чжи замер, Цзян Юйхуай испугался, что тот снова что-то не так понял, и пояснил:

— Путь Бесстрастия, которому я хочу тебя обучить, — это сердечный метод. Так называемый путь бесстрастия означает: сначала познать чувства, а затем от них освободиться. Только по-настоящему поняв, что такое «чувства», и увидев насквозь все мирские привязанности, можно достичь состояния, когда чувства не становятся путями.

— Чжичжи, я вовсе не хочу заставить тебя отказаться от эмоций и не собираюсь вмешиваться в твои мысли. Я лишь хочу укрепить твой дух, чтобы ты меньше блуждал в потёмках.

Цзян Юйхуай указал на «Мириады Феноменов Возвращаются к Единому», которые он давал уже во второй раз:

— Что касается этих «Мириад Феноменов», то это чрезвычайно мощная техника меча. Она включает три формы: «Небо и Земля», «Небесный Дао» и «Небесная Судьба». Суть её — в постижении мириад явлений мира, в способности превратить все мирские феномены в один удар меча. Когда меч выходит из ножен, содрожаются небо и земля, и все иллюзии рассеиваются.

Один сердечный метод, одна техника меча — уже по одним названиям было ясно, что обе техники отнюдь не заурядные. Юнь Чжи, в прошлой жизни освоивший первую форму «Небо и Земля», понимал, насколько могущественны лежавшие в его руках техники.

Юнь Чжи не ожидал, что снова сможет изучать фехтование. Он почти не слушал слова Цзян Юйхуая, лишь смотрел на знакомые «Мириады Феноменов» и нежно поглаживал яшмовую табличку.

Это была техника меча, которой учитель обучал его собственными руками.

Внезапно на голове что-то тяжело опустилось — Цзян Юйхуай похлопал его по голове.

Юнь Чжи растерянно поднял взгляд и увидел, как Цзян Юйхуай, словно поглаживая длинношёрстную кошку, после похлопывания провёл рукой по его длинным волосам.

— Чжичжи, ты самый талантливый человек из всех, кого я встречал. И в понимании, и в стойкости ты редкость среди совершенствующихся. Усердно практикуйся, и с этими двумя техниками, надеюсь, ты станешь более свободным и непринуждённым.

Юнь Чжи неловко отвернулся:

— Хм.

Конечно, он знал о своём высоком таланте — настолько высоком, что с самого поступления в секту он автоматически освоил Привлечение ци в тело.

За тринадцать лет совершенствования с Цзян Юйхуаем он достиг Стадии Стабилизации в шесть лет, а в тринадцать с половиной был уже на пороге Стадии Трансформации Духа. Такая скорость выходила за рамки гениальности — это был уровень чудовища.

Если бы Небесный Дао не исчез много лет назад, он давно бы уже достиг просветления и вознёсся.

Но похвала Цзян Юйхуая всё равно его смущала.

Ему нравилось, когда учитель его хвалил.

Уши Юнь Чжи покраснели, и он ещё ниже опустил голову, пытаясь скрыть их за распущенными волосами.

Нельзя быть таким бесхарактерным — позволить одной похвале учителя себя обмануть было бы слишком постыдно.

Цзян Юйхуай, увидев такую реакцию Юнь Чжи, понял, что на этот раз не ошибся.

Хотя он по-прежнему не понимал странный образ мыслей Юнь Чжи, это не мешало ему тихо рассмеяться. Он хотел подняться и подойти ближе к напряжённому Юнь Чжи, воспользовавшись его хорошим настроением, чтобы сказать ещё несколько слов.

Именно в этот момент жёлтый даосский талисман протиснулся через щель в двери.

На бумаге были красно-коричневые письма. Едва просунувшись в дверь, талисман был одним щелчком пальца Цзян Юйхуая обращён в пепел. Издав предсмертный стон, он передал прерывистым слабеющим голосом:

— Церемония посвящения новых учеников шш-ш... состоится через полчаса... просьба к Бессмертному Владыке Цзичуань прибыть с учеником... тр-р-р...

Талисман Передачи Звука оборвался как раз на месте проведения, словно мстя Цзян Юйхуаю за недавнее обращение в пепел и злонамеренно скрывая ключевую информацию.

Но он просчитался — пережившие прошлую жизнь Юнь Чжи и Цзян Юйхуай явно не нуждались в его сведениях.

Цзян Юйхуай нахмурился, а затем вопросительно посмотрел на Юнь Чжи:

— Нам, пожалуй, придётся сначала съездить на гору Неведения. Я принесу тебе одежду и

необходимые вещи, а ты пока приведи себя в порядок.

Юнь Чжи убрал яшмовые таблички в подаренную Цзян Юйхуаем Сумку-хранилище, кивнул и, не задумываясь о том, откуда учитель знает место проведения, быстро поднялся, чтобы умыться и переодеться.

Цзян Юйхуай тактично вышел.

Дверь отворилась, и Юнь Чжи как раз собирался переодеваться, когда краем глаза заметил что-то белое за порогом. Он всмотрелся внимательнее.

Боковой двор, прежде заросший сорной травой, неизвестно когда был приведён в порядок. Беспорядочно росшие бамбуки полностью убрали, газон подровняли, кустарники высадили в гармоничном порядке.

А в центре двора росло древнее грушевое дерево толщиной в три обхвата.

Увиденная им белизна исходила именно от этого дерева.

Всё дерево покрывали снежно-белые цветы груши. Лёгкий ветерок заставлял лепестки кружиться и опадать, устилая землю белым ковром.

В этом причудливом мире совершенствующихся его двор выглядел прекрасно, как волшебная страна.

— Хлоп!

Цзян Юйхуай, не заметив взгляда Юнь Чжи, закрыл дверь.

Вид за окном скрылся, Юнь Чжи моргнул и медленно отвёл взгляд.

За одну ночь Цзян Юйхуай засадил весь двор цветущими грушами, но совершенно не собирался ему об этом рассказывать — просто тихо ждал, пока тот сам не обнаружит.

Зачем он это сделал? В этом мире нормальные растения найти очень трудно, а за одну ночь отыскать такое большое грушевое дерево — ещё труднее.

Руки Юнь Чжи продолжали двигаться, но брови были сдвинуты в раздумье.

Но его знания о людях были слишком скудными. Лишь когда он переоделся, умылся и уже собирался выходить, Юнь Чжи вдруг осознал:

Похоже, это сюрприз.

Учитель приготовил ему сюрприз?

Не может быть. Цзян Юйхуай вовсе не из тех, кто готовит сюрпризы.

Юнь Чжи застыл в растерянности, но дверь уже была открыта, и весь двор с цветущими грушами предстал перед его глазами.

Холодный и отрешённый небожитель стоял среди падающих лепестков и спокойно смотрел на него. Белый журавль неспешно прогуливался по двору.

Учитель...

Прежде чем Юнь Чжи придумал, что сказать, Цзян Юйхуай опередил его:

— Чжичжи, пойдём. Церемония посвящения вот-вот начнётся.

Всё тот же холодный и спокойный голос. Казалось, его совершенно не интересовала реакция Юнь Чжи на цветущие груши.

Видимо, он всё-таки что-то напутал.

Юнь Чжи разочарованно потупился:

— Хорошо.

Цзян Юйхуай растерянно смотрел на снова опечалившегося Юнь Чжи.

Ему не нравятся цветы груши? Или не нравится идти на церемонию посвящения?

Он хотел спросить, но Юнь Чжи не дал ему такой возможности — прошёл мимо него прямо к белому журавлю.

Цзян Юйхуай посмотрел на грушевое дерево во дворе и задумался.

Это неправильно. В «Каноне о приближении к мудрым и воспитании детей» ясно написано, что нужно время от времени готовить детям сюрпризы, и он действовал точно по инструкции.

Может, ему стоит сменить книгу на более известное руководство по воспитанию?

Гора Неведения.

Как главная вершина Врат Великой Пустоты и местонахождение Безликого Будды, она сейчас была полна народу.

В отличие от вчерашней жути, все присутствующие выглядели как нормальные люди. На лицах играли улыбки, а ученики внутреннего круга в жёлтых одеждах собирались группками, обсуждая сплетни.

— Бессмертный Владыка Цзичуань действительно взял ученика, да ещё и досрочно. Интересно, что это за божественная личность.

— Говорят, ему уже восемнадцать лет. Как бы ни был талантлив, в таком возрасте начинать совершенствование поздно. По-моему, лучше выбирать помоложе.

— Точно, точно. Даосский наставник Вэньхуа ведь говорил, что лучше всего брать детей до шести лет. Но разве ребёнок младше шести лет способен подняться по Небесной лестнице?

Сцена была шумной, обычной и тёплой. Даже бесчисленные глаза на теле Безликого Будды полностью исчезли — белое как нефрит гладкое тело статуи сверкало на солнце, и казалось, что это просто обычная статуя Будды без лица.

Люди, целый день вчера пребывавшие в напряжении, изначально держались настороже, но всё вокруг выглядело настолько нормально, словно вчерашний день был лишь кошмаром.

Тогда кто-то отважился заговорить с учениками, обсуждавшими сплетни:

— Простите... что мы здесь должны делать?

Ученики, оживлённо болтавшие, не обернулись.

Решив, что говорил слишком тихо, тот человек протянул руку и потянул за рукав одного из учеников.

— Бум!

В следующий момент рукав оторвался, обнажив пустое плечо.

Ни тела, ни шеи — только голова, парящая в воздухе.

Он полностью игнорировал помешавшего ему человека и не замечал, что лишился половины одежды. Парящая в воздухе голова качалась из стороны в сторону, рассказывая сплетни, а упавшая на землю одежда продолжала извиваться, судя по движениям — делая жесты руками в такт словам.

Словно запрограммированный NPC, состоящий из одной головы.

Незадачливый собеседник вскрикнул, упал на землю и, плача, пополз назад.

Группа юношей, только что поднявшихся по Небесной лестнице, больше не осмеливалась двигаться. Как испуганные звери, сбившиеся в стайку, они дрожали и с ужасом смотрели на окружающую "нормальность".

Именно в этот момент Юнь Чжи и Цзян Юйхуай спустились на журавле.

Цзян Юйхуай намеренно направил журавля к земле перед этой группой несчастных юношей, а Юнь Чжи по-прежнему обнимал шею журавля и молчал.

Как только Юнь Чжи и Цзян Юйхуай приземлились, неизвестно откуда появились старцы в одеждах старейшин.

Все они имели добродушный вид, полностью соответствующий стереотипному представлению о добрых пожилых небожителях.

Если бы не то, что все тринадцать старцев выглядели совершенно одинаково, они казались бы ещё добрее.

Прозвучал старческий густой голос:

— Поздравляем всех с прохождением вступительного экзамена Врат Великой Пустоты. Теперь мы проведём церемонию посвящения. После её завершения вы станете учениками Врат Великой Пустоты.

Шёпот сплетен мгновенно прекратился, и взгляды всех тринадцати старейшин одновременно обратились к Юнь Чжи.

— Кто бы то ни был, все должны пройти церемонию посвящения, иначе будут изгнаны из Врат Великой Пустоты.

Так они сказали.

Выражение лица Цзян Юйхуая омрачилось. Он хотел заслонить собой Юнь Чжи, но тот, ещё более мрачный, остановил его.

Юнь Чжи схватил его за рукав, посмотрел на него — белые ресницы дрожали, глаза снова покраснели.

— Шестнадцать, — дрожащим голосом произнёс Юнь Чжи.

Он знал, что не должен так себя вести, но Цзян Юйхуай смотрел на других.

Целых шестнадцать секунд. Неужели эти старые ублюдки настолько интересны? А ведь он у Цзян Юйхуая на руках.

Цзян Юйхуай ошеломлённо вскинул брови:

— А?

Встретившись с совершенно ничего не понимающим Цзян Юйхуаем, Юнь Чжи почувствовал, как вся печаль застряла в горле.

Точно, учитель его совсем не любит.

Если бы любил, Цзян Юйхуай вообще не отвёл бы взгляда.

Совершенно не сознавая неразумности своих требований, Юнь Чжи предался самостоятельному горю, преисполнившись отчаяния.

Какой же он несчастный, и какая же несчастная у него любовь. Подумав о том, что такой несчастный он ещё и проявил слабость, запаниковав из-за того, что учитель на мгновение отвёл взгляд, и заревновал, как какой-то муж-собственник, Юнь Чжи почувствовал себя ещё более несчастным.

Бедный малыш Чжи — разве может быть на свете более жалкий главный герой мелодрамы?

Впрочем, хорошо, что он уже смирился. Сейчас он даже не плачет из-за того, что учитель смотрит на других — это большой прогресс.

Он больше никогда не будет переживать из-за того, на кого смотрит Цзян Юйхуай. Он будет изучать Путь Бесстрастия.

Старейшины: ...

Юнь Чжи же совершенно их не замечал и не удостоил ни единым взглядом.

Впрочем, даже если бы заметил, всё равно не счёл бы себя попадающим под определение "кто бы то ни был".

Он ведь выращенный учителем нелюбимый маленький монстр.

<http://bllate.org/book/13450/1197539>